

РАЗДЕЛ 2: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аксёнова Н.В.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

АНГЛИЙСКАЯ ТЕМА В ПЬЕСЕ Е.И. ЗАМЯТИНА «БЛОХА»

1920-е годы, время после создания романа «Мы», – сложный период в жизни и творчестве Е.И. Замятина, который начинает восприниматься новой властью как «внутренний враг». На протяжении 1923 и 1924 гг. положение Замятина остается неопределенным, его эмиграция откладывается. Писателя практически не печатают, поэтому он вынужден обратиться к театру как единственному способу выживания. Пьеса Е.И. Замятина «Блоха», сюжетной основой которой послужил рассказ Н.С. Лескова «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе», была написана в 1924 г. и задумана в стиле народной игры. Часть действия пьесы происходит в Англии, участвуют и персонажи-англичане.

Английская тема в пьесе Е. Замятина «Блоха» исследовалась О.А. Казниной, Т.Т. Давыдовой, И.Е. Поляковой, М.А. Хатямовой. О.А. Казнина, анализируя творчество Замятина, пишет, что в пьесе «Блоха» поставлена «проблема столкновения русского и английского национальных характеров», и отмечает: «Как и другие произведения Замятина на английские темы, пьеса “Блоха” оставляет ощущение, что “англичане” нужны писателю для того, чтобы понять и объяснить русский характер, в каком-то смысле “познать самого себя”» [1. С. 209]. Т.Т. Давыдова считает, что «обращение Замятина к драматургии было отнюдь не случайным, т. к. почти вся замятинская проза по характеру и строению своему – ярко театральна, и с помощью приемов условного театра в “Блохе” ставится проблема национального своеобразия России, сочетающей в себе западноевропейские и азиатские черты. Разные жизненные уклады Западной Европы показываются сквозь призму судьбы Левши, одержавшего амбивалентную победу-поражение над английскими мастерами путем подкования стальной блохи» [2]. И.Е. Полякова, исследующая «смеховой мир» в произведениях Е.И. Замятина, указывает, что в пьесе «Блоха» английские образы характеризуются «рационалистической регламентированностью, индустриальной продвинутостью» [3. С. 17]. М.А. Хатямова, изучая формы саморефлексии в драме на материале пьес Е.И. Замятина «Блоха» и «Общество почетных звонарей», анализирует «Блоху» как

метапьесу, т. е. произведение, комментирующее эстетические позиции автора [4. С. 451].

«Английская» образность в пьесе Е. Замятина «Блоха» не становилась предметом специального изучения. Образы англичан рассматривались исследователями обзорно, в контексте других подходов к драме. Цель же нашего исследования состоит в изучении английской темы в пьесе «Блоха», позволяющей не только выйти к авторскому восприятию русской национальной ментальности, но и по-новому интерпретировать пьесу, созданную в сложный жизненный период ее автора.

Первое, что отличает драму Замятина от рассказа Лескова, – это прием переодевания халдеев в персонажей. Причем актеры-халдеи играют второстепенных русских персонажей (фрейлину Малафевну, раешника, тульского купца, царского скорохода-курьера) и совсем не второстепенных иностранных (аглицкого Химика-механика, голландского Лекаря-аптекаря, самолучшего аглицкого Мастера). Отдельную пару образуют женские образы: тульская девка Машка и аглицкая девка Меря, в которых «переодевается» халдейка. Только аглицкий Полшкипер и аглицкий (чернокожий) Половой выделяются своей самостоятельностью: первый, по всей видимости, благодаря особым отношениям с Левшой, а второй – цвету кожи. Возникает вопрос, в чем смысл приема переодевания, игры одних персонажей другими? Вряд ли это можно объяснить только жанровой формой народной комедии-игры.

Если следовать логике лесковского «Левши», то иностранцы (Химик-механик, Мастер, девка Меря, Полшкипер, Половой, отсутствующий у Лескова), должны оттенять своеобразие русской национальной ментальности в характере, привычках, образе жизни. Посмотрим, так ли это.

Казак Платов привозит тульского мастера Левшу в Лондон, где он знакомится с двумя английскими специалистами: Химиком-механиком и Мастером. С первой их встречи с Левшой и Платовым становится очевидно, что это не настоящие англичане, а переодетые актеры: «– А что, будто личности ваши я видел где-й-то, а? Да вы ихние ли настоящие? (спрашивает Платов)

– Мы-то? Да вот-те крест не святой. Вот-те не перед истинным! Да чтоб мне издохнуть!

– Стой! А ну перекрестись. (Химик-механик и Мастер крестятся: на затылок, на спину, и сзади же – на правое и левое плечо.) Ну, ладно, вижу: креститесь не по-нашему» [5. С. 868].

Зритель изначально вовлекается в условную игру актеров и понимает ее пародийный характер.

Далее халдеи акцентируют стереотипные черты англичан, как их представляет простой народ: вежливость, самоуверенность, пунктуальность, грамотность, рационализм. Доводя до абсурда взаимную уважительность англичан, халдеи высмеивают английскую вежливость, за которой стоит голый расчет: приятельское похлопывание Левши по плечу должно помочь в налаживании дружеских отношений: «Ничего, ничего! Не бойсь! Мы (на себя) – аглицкий, ты (на Левшу) – русский мастер, мы – камрады, понимаешь?» [5. С. 870]. Но эта показная вежливость нужна лишь для того, чтобы выяснить секрет мастера.

Автор с помощью халдеев высмеивает и английскую уверенность в собственном превосходстве во всем, даже в одежде: «– Ишь-ты, жилетка-то тужурная! Тц... технически! Аглицкое, небось, сукнецо-то?

– А то ништо? Известно, аглицкое, морозовское» [5. С. 871].

Использование русских названий сукна, «нашей настоящей подвздошной водки – четырнадцатого классу», танцев (гопачок, комаринский), т. е. переигрывание актеров-халдеев нивелирует саму проблему, взрывает смехом идею превосходства англичан перед русскими, как и представления русского человека об иностранцах.

Пунктуальность англичан пародийно представлена тем, что английские мастера постоянно сверяют время на часах. Механическая точность, привычка англичан контролировать свою жизнь поминутно, чтобы не сбиться с ритма, пунктуальность иронически обыгрывается ситуацией пропажи часов, которая для английского Химика-механика равносильна потере ритма. Пропажа часов делает англичанина менее роботизированным, реакция англичанина превращает его из чужака в обычного человека, которому свойственны живые эмоции:

«– У вас без четверти?

– Без четверти.

– А у меня... <...> Часы-то ... срезали! Батюшки!» [5. С. 879].

А последняя реплика – «батюшки!» – вообще отменяет английское, снимает с актера маску. Далее этот прием будет неоднократно повторяться, напоминая зрителям, что перед ними актеры, играющие англичан: (Химик-механик) «А вот и мы, самые ихние Удивительные Люди, химики-механики-мастера на все руки, первое средство от скуки»; (Половой) «Раз мы англичане – так нам с вами по-русски никак нельзя. Неуж не понимаете?». Подчеркнуто

народные языковые средства, используемые «иностранцами», не только создают комический эффект для развлечения публики, но и переводят события в другой план: зритель понимает, что перед ним не сами англичане, а изображение народных представлений о них. Ту же функцию выполняет искажение «англичанами» технических терминов и незнакомых Левше слов: «буреметр», «радителифон», «керамида», «водопление» (напомним, что у Лескова языковые искажения принадлежат народному рассказчику, а не самим иностранцам). Даже введение в пьесу нового персонажа работает на ту же идею розыгрыша: слуга негр становится Половым (из московского трактира), а его необычный цвет кожи вызывает у Левши страх (он считает его переодетым бесом).

Итак, в своей пьесе Замятин изображает стереотипы русского сознания об Англии и англичанах: это научно и технически развитая страна с непонятными для русских традициями. Автор иронизирует по поводу образа дома-мечты, наполненного разными диковинами: столом, выполняющим функцию скатерти-самобранки; пружинкой, выскакивающей как по волшебству; кнопкой звонка, лифтом вместо коридора и пр.

Однако линия взаимоотношений Левши с «иностранцами» мастерами стирает различия между ними: они объединены общим интересом – совершенствованием своего мастерства – и хорошо понимают друг друга, обладают одинаковой смекалкой и нежеланием выдать друг другу свои открытия. Левше оказываются ближе иностранные мастера, чем его русское окружение, а простой английский матрос Полшкипер, выпивающий с Левшой на равных и обучающий его арифметике, вообще становится для Левши единственным верным другом, по-русски жалеющим его.

Таким образом, Замятин переакцентирует проблематику своей пьесы по сравнению с рассказом Лескова: с произведения о русском мастере (с акцентом на национальной ментальности) – на произведение о русском мастере (т. е. художнике). В предложении Химика-механика Левше остаться в Англии («Рассея, Рассея! Ты лучше оставайся у нас, живут у нас мастера хорошо, семейно, на каждого члена по четыре кубических аршина воздуха...» [5. С. 875]) воплощается и народная мечта об ином царстве и, по-видимому, личная ситуация самого Замятина, примеривающего на себя костюм эмигранта в ожидании от новой власти своей участи.

Введенный Замятиным любовный сюжет, отсутствующий у Лескова (отказ Левши от английской девушки Мери и сохранение верности оставшейся в России Машке, обеих играет халдейка),

только подтверждает автометаописательную основу текста (отсылает к взаимоотношениям с оставшейся в России Л.Н. Усовой в период пребывания Замятина в Англии, письма к которой наполнены и тоской по родине)¹.

Лесковский сюжет Замятин использует в качестве универсальной матрицы о судьбе художника и своей собственной судьбе. Как пишет М.А. Хатямова, трагические обстоятельства взаимоотношений левши с властью получают «проекцию “современная власть и художник”»; «новая власть уничтожает личность <...> Соблюдая сказочный канон, Халдеи оживляют Левшу в финале: еще остается надежда, что жизнь, человека, художника уничтожить невозможно» [4. С. 452]. Кроме того, «английский пласт» в пьесе служит изображению авторских переживаний по поводу неценности и изоляции на родине и возможной предстоящей эмиграции.

Список использованных источников

1. Казнина О.А. Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 1997. – 417 с.
2. Давыдова Т.Т. Русский неореализм: идеология, поэтика, творческая эволюция. – М.: Флинта, Наука, 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.ru/read/davidova_tatyana/russkiy_neorealizm_ideologiya_poetika_tvorcheskaya_evolyutsiya.html#102400 (дата обращения: 10.02.2014).
3. Полякова И.Е. Смеховой мир Е.И. Замятина в контексте народной праздничной культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елец, Елецкий государственный ун-т им. И.А. Бунина, 2009. – 24 с.
4. Хатямова М.А. Метапьесы Е. Замятина // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности: материалы Междунар. Конгресса литературоведов. К 125-летию Е.И. Замятина. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009.
5. Замятин Е. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2011. – 1258 с.

Научный руководитель М.А. Хатямова, д. филол. н., профессор ТПУ

¹ В письмах к своей невесте, Л.Н. Усовой, Замятин пишет: «В Нью-Кастле – неделю. Такие у меня всё плохие настроения, что руки ни на что не поднимаются. Не занимаюсь ни английским, ни литературой своей. В Нью-Кастле, по-видимому, придется остаться на всё время. Город большой, но скучный непроходимо». Письма к Л.Н. Усовой / Рукописные памятники. Рукописное наследие Е.И. Замятина. Вып. 3. Ч. 1. СПб.: Российская национальная библиотека, 1997. С. 198.